

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ Г. А. ИЛЬИНСКОГО

Научное наследие Григория Андреевича Ильинского чрезвычайно богато и разнообразно. Поражает своей широтой круг его интересов: издание древних памятников южнославянской письменности и всестороннее исследование их языка и палеографических особенностей, вопросы, связанные с деятельностью Кирилла и Мефодия, монографическая обработка важных проблем сравнительной грамматики славянских языков как в области фонетики, так и в области морфологии, завершенная таким крупным синтетическим исследованием, как «Праславянская грамматика», и, наконец, постоянные, деятельные размышления в области исторической лексикологии и этимологии. Последняя область особенно привлекала Г. А. Ильинского на всем протяжении его жизни; он пользуется широкой известностью в значительной степени именно как этимолог.

Слависты, практически занимающиеся этимологией, и в первую очередь составители этимологических словарей, знают по собственному опыту, что обработка огромного количества словарных статей невозможна без отражения этимологий Г. А. Ильинского, без оценки его вклада в изучение слов. Положение не меняет и то обстоятельство, что, как известно, многие этимологии Г. А. Ильинского оспариваются исследователями. Даже те этимологии Г. А. Ильинского, которые отвергаются последующими исследователями, играют несомненную положительную роль, так как их изучение существенно облегчает выбор правильного решения. Чтение этимологической продукции Г. А. Ильинского вообще очень обогащает, и в этом также заключается одно из ее важных достоинств. Здесь имеется в виду первоклассное знание Г. А. Ильинским лексики славянских языков во всем многообразии ее диалектных различий и во всей ее семантической сложности. Знание лексики в соединении с универсальностью научных интересов, с поразительной осведомленностью Г. А. Ильинского в специальной литературе и вообще в литературе, в текстах на славянских языках и диалектах придает высокую познавательную ценность его этимологиям. Обладая редкой работоспособностью, Г. А. Ильинский опубликовал очень много трудов по славянской этимологии. Число работ Г. А. Ильинского почти не поддается полному учету, потому что они рассеяны по многим периодическим изданиям и юбилейным сборникам. Кроме русских лингвистических журналов, Г. А. Ильинский, поддерживавший оживленные научные связи со многими зарубежными славистами, печатался также почти во всех ведущих европейских лингвистических органах. По плодovitости его можно поставить рядом с такими этимологами, как А. Брюкнер и И. Зубатый, — его современниками, с которыми его также сближает сходство в отдельных моментах этимологического исследования. Подобно двум названным ученым, Г. А. Ильинский ставил перед собой задачу объединения в будущем своих этимологических исследований в этимологическом словаре. Ни литовский этимологический словарь И. Зубатого, ни этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского так и не были завершены. Однако Г. А. Ильинский успел проделать в этом направлении большую подготовительную работу, о чем свидетельствует рукопись, имеющаяся в его архиве.

Эта рукопись представляет собой в полном смысле слова этимологический словарь славянских языков. Слова обработаны в ней поstateйно, с обязательным возведением к общеславянской форме. Статьи расположены в алфавитном порядке. Большинство статей имеет предельно четкую структуру: общеславянская форма или другая условная заглавная форма слова, за чем следует перечисление форм по отдельным славянским языкам с указанием их значений; после этого, — как правило, с абзаца — помещается снабженная символом < гипотетическая исходная форма с пояснениями, касающимися фонетико-морфологического, словообразовательного и семантического развития; здесь обычно находит выражение точка зрения самого Г. А. Ильинского. Затем — тоже с абзаца — следует подробное изложение точек зрения, представляющихся автору неверными. Эта часть систематически выделяется красным карандашом на всем протяжении рукописи. Рукописи придан строго единообразный вид. Текст написан на

одинаковых листах крупного формата, с одной стороны листа ¹. На одном листе помещено не более одной статьи. Единообразие выражается и в последовательном применении одинаковой структуры статей (см. выше). Совершенно последовательно соблюдается употребление системы вспомогательных символов, а также сокращений, причем, кроме общеупотребительных в лингвистической литературе условных знаков и некоторых латинских аббревиатур названий грамматических категорий, четко проводится сокращенное обозначение русских названий привлекаемых языков. Имеются некоторые специально принятые автором сокращения морфологических терминов: УС (удлиненная ступень), РС (редуцированная ступень). Последовательность соблюдения всех этих сокращений настолько абсолютна, что, несмотря на отсутствие объяснительного списка условных сокращений, в них нетрудно разобраться после некоторого ознакомления с текстом.

Знакомство с давней рукописью свидетельствует, может быть, с еще большей очевидностью, чем изучение печатных работ Г. А. Ильинского, о высокой культуре этимологического труда. По-видимому, Г. А. Ильинский работал над созданием этимологического словаря славянских языков длительное время, по крайней мере несколько лет, о чем говорят, кроме описанных выше особенностей, определенным образом свидетельствующих о стадии работы, также внушительные размеры труда: все рукописи размещается в 26 папках ². О хронологических рамках выполнения Г. А. Ильинским этой работы можно судить приблизительно. По отдельным датам, попадающим в тексте на обратной стороне листов, можно заключить, что написание словаря приходится в основном уже на начало 30-х годов. Примерно об этом же говорит последняя по времени литература, использованная в словаре: А. Brückner, *Stownik etymologiczny języka polskiego* (1927); K. Lokotsch, *Etymologisches Wörterbuch der europäischen... Wörter orientalischen Ursprungs* (1927); А. Walde, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, hrsg. von J. Pokorny (1927—1932); «*Revue des études slaves*». t. XII (1932).

Несомненно, что в случае своевременного выхода в свет сразу после подготовки (т. е. около 20 лет назад) этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского принес бы значительную пользу как подробный справочник по славянской этимологии, в значительной степени отражающий современное состояние науки. Словарь Г. А. Ильинского интересен с различных точек зрения. Прежде всего, это второй после работы Э. Бернекера этимологический словарь славянских языков, хорошо отражающий литературу за период после выхода словаря Э. Бернекера (второе, не измененное издание в 1924 г.). Между прочим, в описываемом словаре Г. А. Ильинского встречаются также ссылки на подготовленное им второе издание его «Праславянской грамматики» (например, ПГ² 5 — см. под *акъ*), как известно, так и не увидевшее свет (первое издание в 1916 г.). Далее, словарь Г. А. Ильинского, в отличие от словаря Э. Бернекера, доведен в общем до конца. Словник Г. А. Ильинского весьма богат. Достаточно сказать, что тогда как словарь Э. Бернекера (*A — morъ*) содержит немногим более двух с половиной тысяч слов, словарь Г. А. Ильинского приблизительно в тех же рамках (*A—I*) содержит около 5000 слов. В целом же нужно отметить, что Г. А. Ильинский при составлении словаря следовал во многом методам Э. Бернекера как в разработке структуры словарной статьи, так и в отборе слов. В словарь Г. А. Ильинского включено очень много поздних заимствований отдельных славянских языков, не носящих общеславянского характера, например: *abá, abaka, abeceda, abrikos, adamant, admiral, apelsin, arbiuj, artillerija, benzoja, diadema, diafragma, dialektъ, faeton* и т. п. При значительной полноте словника в словаре, однако, имеется пропуск ряда слов.

Что касается существа этимологий, помещаемых в словаре, то для них характерны в целом недостатки, отличающие многие из известных опубликованных этимологических толкований Г. А. Ильинского, тем более, что, предлагая оригинальные решения, он в большинстве случаев использует в словаре свои печатные работы. Это главным образом излишний схематизм в понимании развития славянских форм, выражающийся в обязательном отсечении корня и возведении его к индоевропейской форме с неким обобщенным значением. Вследствие такой практики собственно словообразовательный анализ славянского слова смазывается: автор стремится, минуя эти стадии, скорее связать славянское с индоевропейским. Надо сказать, что делается это не всегда интересно, тем более что возникает впечатление известной предвзятости, усиливаемое характерной для Г. А. Ильинского антипатией к объяснению славянских слов заимствованием. Так, польск. *brył*, укр. *бріль* «широкая соломенная шляпа»,

¹ При этом в качестве писчего материала очень часто используются, судя по обратной стороне многих листов, прежние систематические записки и, по-видимому, курсы лекций самого автора по истории славянских стран и славянских литератур, черновики этимологических заметок и т. п.

² Настоящее описание составлено на основании изучения только части названной рукописи, а именно — первых десяти папок (около 5000 листов), содержащих буквы А, В, С, Д, Е, F, (G отсутствует), I, J, K, L.

правдоподобно объясненное еще Н. Карловичем в «Словаре иностранных слов» из итальянского *ombrello* «летний зонтик», Г. А. Ильинский ведет от и.-е. **bhr̥g-* «иметь овальную, выпуклую форму» и считает исконным славянским словом. Русск. диал. *будара* он объясняет из и.-е. **bheudh-* «быть полным, овальным». Польск. *ciekawu* «любопытный», укр. *цікавий* Г. А. Ильинский объединяет общеславянским *śekawъ*, производя последнее из и.-е. **koi-k-* «резать, отделять, различать; узнавать», в то время как украинское слово, конечно, заимствовано в позднее время из польского, откуда также происходит русск. диал. *чекавый*, польское же слово состоит в прямом родстве с *cieś*, русск. *течь* и т. д. Известная прямолинейность в понимании фонетико-морфологической истории слов заставляет Г. А. Ильинского производить, например, слав. *čerвъjъ*, ст.-слав. *чръвъ* не из *čerwo*, *чръво* «живот», т. е. «мягкая обувь из кожи живота», а прямо из и.-е. *(*s*)*ker-* «отрезанный кусок кожи», причем форманты *-ъ-ъjъ* попросту отсекаются и оставляются без объяснения. Для известного позднего заимствования из греческого языка русск. *кровать* допускается возможность происхождения из балто-славянск. **korūt-*. Русск. диал. *кума* «лихорадка, трясучка» отрывается от формы *кума* с общепародным значением и производится из и.-е. **kou-m-* «гнуть, клонить, качать», хотя очевидно, что использование слова *кума* в данном случае для обозначения болезни есть не что иное как эвфемистическое иносказание, примеры чего хорошо известны в каждом языке. Местами в словаре встречается путаное изложение; попадаются ошибки, несущие, очевидно, случайный характер.

Наибольший интерес в описываемом словаре представляют, разумеется, оригинальные этимологии Г. А. Ильинского, причем именно те из них, которые не фигурировали в его опубликованных работах и познакомиться с которыми можно только в данной рукописи ученого. При ознакомлении с рукописью удалось отобрать некоторое количество этимологических статей, по-видимому, не публиковавшихся Г. А. Ильинским. Естественно, что при этом обращалось внимание особенно на те этимологии, которые помимо оригинальности представляли интерес также и в иных отношениях и менее затронуты перечисленными выше типичными недостатками ряда других этимологий Г. А. Ильинского. Некоторые из отобранных оригинальных этимологических статей представляются тем более ценными, что при сравнении их с соответствующими статьями, например в новом «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера, обращает на себя внимание более богатое содержание статьи или наличие более вероятного толкования у Г. А. Ильинского.

В этой связи может оказаться желательным ознакомление читателя с некоторыми взятыми на выбор этимологическими статьями описываемого словаря. Приводимые ниже выдержки представляют собой дословные цитаты из различных мест текста рукописи Г. А. Ильинского. Чтобы облегчить понимание текста, раскрыты некоторые условные сокращения.

aś conj: др.-церковнослав. *аѣѣ* «хотя», др.-русс. *аѣѣ* «если»

< окаменевшей формы местоимения *акъ*.

Ошибочно Berneker [*Slavisches etymologisches Wörterbuch*]¹ (I 22) [разлагает эту форму на *a-śe*.

alynja f: русск. диал. (владим., костром.) *алынья* «корова»

< и.-е. **ol-ūni-* «рогатое животное»; ср. кимр. *elain* «оленья самка» из **el-ūni* (Ильинский, «Slavia», II 254).

Шахматов («О полногласии», 103, Очерк [древнейшего периода истории русского языка], 5, 262) выводил этимологизируемое слово чисто фонетически из корня **ol-n-*, что, конечно, неверно².

biritjъ m: ... церковнослав. *биритъ* «глашатай, пристав», словенск. *birid* «судебный служитель, полицейский», чеш. *birid* «глашатай, сыщик, палач», верхне-лужицк. *běric*, *běrc*, ниже-лужицк. *běric*, др.-русс. *бирючъ* «глашатай, пристав», укр. *бирюч*, русск. диал. *бирюч*, *бирюч*...

Не образовано ли *biritjъ* от слав. *birъ* «подать»?³

bozъ m: русск.-церковнослав. *бозъ*, «бес», др.-русс. *бозъ* «стремительный, хищный, бурный», др.-русс. *босовъ* («Слово о полку Игореве»); укр. *бусо-вір* «идолопоклон-

¹ Вставки в квадратных скобках применены мной в некоторых случаях, чтобы облегчить понимание ссылочной части текста Г. А. Ильинского. Сноски мои. — О. Т.

² Эта словарная статья основана на печатных материалах Г. А. Ильинского, но представляет интерес, поскольку в словаре М. Фасмера (M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1953) слово *алынья* отсутствует.

³ Приписано караидашом, видимо, позднее. Здесь и в дальнейшем опущенная часть статьи (...) содержит сводку известных в литературе объяснений.

ник, язычник», «чародейный»; чеш. диал. *bozorkyně* «чародейка», укр. *bosorkánja* «колдунья, ведьма»; чеш. диал. (моравск.) *bozorgovái* «колдовать»

< н.-е. **bhūzo-* «существо, бурно и шумно двигающееся; дух; алой дух»; см. *bēso*.

Нет основания считать укр. *bosorka* и т. п. заимствованием из мадьярского *bozorka* (Skok, «Archiv für slavische Philologie», XXXV 350); последнее скорее само заимствовано из славянского (о прилагательном *boso-*, *bosovъ* неверно сказано у Мелиоранского, «Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности», VII 2, 284; см. также Корш, «Известия», VIII 4, 33).

brośń f: польск. *broń* «плесень», белорусск. *броснь* «плесень», *бросмелый* «плесневый», *броснецъ* «покрываться плесенью»

< н.-е. **bhrōk-* «светлый», ср. др.-инд. *bhrākaie* «пылает, светит».

Brückner [«Słownik etymologiczny języka polskiego»] (41) не отделяет этимологизуемое слово от *brons*; см. этимологию. — Неясно Miklosich [«Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen»], 22.

broť f: чеш. *broť*, род. падеж *broťi* «сок, краска, багрянец», др.-чеш. *brotec* «rubia herba, radix eius est rubea», чеш. *broťiti* «красить»; церковнослав. *брошть* «крап, марена», болг. *брошт*, сербо-хорв. *brōc*, словенск. *brōc*; укр. *бромѣти* «красить», словенск. *brōčiti*

< н.-е. **bhre-t-* «жар, печь, варить» (параллельного *bhreg-*; ср. *braga* и *bhrek-*; ср. *broť*); ср. др.-в.-нем. *bruoten* «сидеть на яйцах», *brātan* «жарить», лат. *frētum* «нижение, бурление, жара»: основное значение нашего имени было «корень, который при варке дает красную краску».

Ошибочны гипотезы: 1) о заимствовании этимологизуемого слова из ср.-лат. *bractea* «пурпур» (Jokl, «Zbornik u slavu Jagića», 485; Vasmer, «Rocznik slawistyczny», IV 169) — слова мало употребительного и имеющего значение вторичное: оно развилось в нем под влиянием *blattea*; 2) об исконном родстве с греч. βρότος «кровь», βρότω «опрыскивать кровью» (Berneker, I 88); 3) о происхождении из **trōk-*, **trōktjo-*, т. е. от основ, от которых будто бы образована семья лат. *frascere*; 4) о происхождении из **trōk-*, **broktjo-* «жидкость» (Rozwadowski, «Rocznik slawistyczny», II 78). У Miklosich'a (22) слово не объяснено.

bystř adj: ...¹

ce conj: др.-церковнослав. *ѣ* «каіто, каіпер, еіпер»

< н.-е. **kʰoi*, loc. sing. местоимения **kʰo-*, ср. литовск. *kai-po*, *kai-p*, *kai-po-gi*. — Неточно Miklosich, 152: Persson, «Indogermanische Forschungen», II, 205.

Другие (Brugmann, «Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen», 620, Berneker, I 122) сближают с греч. καί «и, также».

čeriti vb: болг. *цери* «лечу», *цар* «лекарство»

< н.-е. **koi-* «быть крепким, здоровым»; см. *čē-lē*.

čata f: словенск. *čata* «засада», польск. *czata* «засада, ночная стража, передовой пост», др.-польск. «нападение, наезд», укр. *čata* «форпост, ночная стража»; рл. *čati* «засада, патруль», польск. *czatować* «сторожить», укр. *čatувати* «нараулить, производить рекогносцировку»

< **čakta*, см. *čakati*.

Miklosich («Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen», 10) выводил из мадьярского *czata* «прыга», которое из славянск. *četa*; в «Etymologisches Wörterbuch» (35) он относил к *četa*; см. этимологию слова; Berneker (I 137) и Brückner (73) стоят за первую альтернативу.

čekati vb: болг. *чекам* «жду», сербо-хорв. *čekati*, чеш. *čekati*, польск. *czekać*, укр. *чekaти*, русск. *быть на чеку*; — удлиненная ступень ст.-церковнослав. *чкати*, болг. *чѣкам*, т. е. от сербо-хорв. *čakati*, словенск. *čakati*, др.-чеш. *čakati*, верхне-луж. *čakać*, нижне-луж. *sakać*, др.-польск., польск. диал. *czakać*, чеш. *čaka* «надежда»; редуцированная ступень др.-чеш. и современное *počkatí* «подожждать», 2-е лицо повелит. накл. *po-čkej*, польск. *po-czkać*; сербо-хорв. *čēcati* «сидеть на моточках»

< н.-е. **kek-* «гнуть, сгибаться, подстергать»; значение «ждать» развилось в охотничьем языке из «сидеть или стоять согнувшись в ожидании добычи»; ср. др.-в.-нем. *hohon* «сгиб колена», нл. *soze* «нога», лат. *soza* «бедро», авест. *kaša* «плечо», др.-инд. *kākṣa* «подмышка» см. *čeka*, *čekan*.

Meillet («Etudes», 163) и Brückner (75) видят в этимологизуемом слове расширение корня *ča-* в *čajati* (см. этимологию слова), причем *čekati* возникло из *čakati* диссимиляцией двух *a*; напротив, Лось (РФВ, XIII 75), Zubatý («Listy filo-

¹ В соответствующей статье Г. А. Ильинский отказывается от своей старой этимологии *bystř* — к *budr* «бодрый» и под. (см. Г. И л ь и н с к и й, Славянские этимологии, «Zbornik u slavu Vatroslava Jagića», Berlin, 1908, стр. 291—292), которая, как известно из этимологической литературы, числится за ним до сих пор, и присоединяется к общепринятому объяснению *bystř* < н.-е. **bhūs-* «шуметь, бурлить»; ср. др.-исл. *bysia* и др.

logické», XXVIII 33) и Berneker (I 134) рассматривают *śakati* как удвоенное образование, отождествляя причастие *śakant* с др.-инд. *śakānas* «желающий». К этому мнению присоединяется Berneker (I 134), который привлекает сюда же латышск. *kārs* «жадный, похотливый», др.-в.-нем. *huora* «развратная женщина», ирл. *saga* «друг», лат. *cārus*, авест. *kafēiti* «желает», др.-инд. *kājatana* «желающий, любящий», *śajātana* «желающий», *ā-śake* и пр.; в частности, *śakati* возникло будто бы на *śe-kati* под влиянием *śajati*; впрочем *śakati* может скрывать *kē*, интенсифицированная редупликация типа др.-инд. *dā-dharti* «держит».

— Неясно Miklosich, 30.

cerda: русск. диал. (псков.) *чередá* «опрятный одеждою», словен. диал. (хорут.) *čriditi* «очищать, волоть (кукурузу)», *čriediti*, русск. диал. (арханг.) *чере-дѣть* «очистить, выпотрошить (птицу, рыбу)», (перм.) «очищать (пшеницу)», (псков.) *чере-дѣть* «мести, вытирать (комнату)».

< и.-е. **(s)kerd-* «резать, скрестить»; ср. литовск. *(s)kirsti* «резать, колоть (сви-ней)», латыш. *skērst* «печь, резать (труп)», литовск. *skardūs* «крутой», *skardis* «крутой берег». См. *skardz*, *šerda*.

Зеленин («Известия», VIII 4, 257) сближает этимологизируемое слово с греч. *χέρδος*, лат. *cerdo*¹.

čim m: русск. диал. (вологод., вят., арханг.) «мелкий дождь, ситник, бус», *čimtaet* «моросить»: *čimtaet* «моросит».

< и.-е. **(s)keit-* «отделять, педить, щепить», см. *čediti*, *cisti*.

Meckelein («Finnisch-ugrische Etymologien», 69) и Kalima («Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen», 248) выводят этимологизируемое слово из финск. *siite*, которое в действительности заимствовано из русского.

černъ adj: др.-церковнослав. *чрънь* «черный».

< и.-е. **kʷn-* «черный», чередовавшееся с **kʷs-*; ср. литовск. *kėršas* «с черными и белыми пятнами», *kėršė* «пестрая корова», *karsis* «свивец»; швед., норв. *kar* «пепел»; контаминацией **kʷn-* и **kʷs-* возникло *kʷsno-*; ср. прусск. *kirsnan*, литовск. *Kirsna* название реки, др.-инд. *kṛṇās* «черный».

Обыкновенно (Schmidt, Vokalismus, II 33, Fick, «Etymologisches Wörterbuch der indogermanischen Sprachen», I 190; Miklosich, 34, Mikkola, «Bezenbergers Beiträge», XXII 245, Hirt, «Bezenbergers Beiträge», XXIV 253, Berneker, I 170, Ильинский, Звук *ch* в славянских языках, § 107, Trautmann [«Baltisch-slavisches Wörterbuch», 134, Brückner, 72] выводят этимологизируемое слово из *čychno* < и.-е. **kʷsno-*.

dégati vb: словацк. *dégať* «пихать; кутать».

< и.-е. **dheig-* «колоть, толкать, торчать»; ср. литовск. *diegti* «колоть», латыш. *diegt*; литовск. *diegas* «росток», *dáigas*, латыш. *diēgs*. — О литовских словах см. Буга, «Известия», XVII, I 32, Trautmann, 49.

doganъ m: словацк. *dohan* «курительный табак», *dohán*; — удлиненная ступень чеш. *dahněti* «пылать».

< и.-е. **dhegh-* «гореть»; см. *degъb*.

droiti se vb: русск. диал. (псков.) *дройтѣся* «о рыбе, крутиться от опьянения после мочки в речке или зернах конопли». Низшая ступень сербо-хорв. *zadržaka* «здоровья».

< и.-е. **d(e)rei-* «драть, драться»? ²

dukъ m: русск. диал. *дук* «ямка, лунка, в которую дубинками вгоняют шар, чурку», польск. диал. *ducza*, *duca* «углубление в середине верхнего жернова; углубление вообще (в хлебе, в земле)», укр. *дуча*; польск. *duczka* «трубка в бочке», укр. *дучка* = *дуча*, южновеликорусск. (курск.) *дучка* = *дук*; польск. диал. *duczaj*, *ducaj* «отверстие в середине верхнего жернова», укр. *дучей*, южновеликорусск. (курск.) *дучай*; чеш. *dučeje* «водопад», др.-польск. *duczaja* «витая трубка»; словацк. *dučel* «трубка», *dučela*, др.-польск. *duczał* «трещина во льду», *duczata*, *ducota*; польск. *dukwić* «ślęczeć».

< и.-е. **douk-* «рвать, щепить, долбить», ср. литовск. *duksmė* «отрепье», *dūk-šta* «веха», алб. *nduk* «рву, вырываю волосы».

Ошибочно сближение *dučeje* и т. п. с итальянским *daccia* «водопроводная труба» (Matzenauer, Cizí slova ve slovanských nářečích, 149, Berneker, I 232); ср. Brückner, 102. — Неясно о *duczaja* Miklosich, 52³.

dvigъ m...

< и.-е. **dhueig(h)-* «трясти, двигать» < и.-е. **dh-ū* «дуть, трясти, приводить в движение»; ср. греч. *δύω* «вторгаюсь, спешу», др.-инд. *dhuvati* «трясет, выдергивает, приводит в движение».

¹ М. Ф а с м е р (см. указ. словарь, Bd. III, 1956, стр. 320) объединяет *чере-дѣть* «учреждать» и *чере-дѣть* «чистить, подметать».

² Слово *дройтѣся* у М. Фасмера (указ. соч.) отсутствует.

³ Ср. М. V a s m e r, указ. словарь, Bd. I, стр. 379: «*дук* — 'Grube beim Spiel *klouschi*, in die der Ball getrieben werden muß', Terek — G. (RFV 44, 91). Unklar».

Другие сближения: 1) с др.-в.-нем. *zwangan* «колоть, щипать», нрл. *dedaig* «oppressit» (Windisch, «Kuhns Zeitschrift», XXIII 207, Stokes, BB, XXI 128); 2) с др.-в.-нем. *zwigōn* «щемять» (Uhlenbeck, PBB, XXII 542); 3) с др.-в.-нем. *withan* «уступать», др.-инд. *vṛyas* «дрожание, энергичное движение», *vṛjate* и другими образованиями от **vri-g-*, соединившегося еще в дославянское время с префиксом *ad-* и утратившего начальное *a-* (Berneker, I 240). — Неясно Miklosich, 53, Преображенский, I 175, Brückner, 114.

džboľ m: словацк. *dboľ* «улье» (собственно «выдолбленный древесный ствол»), *dboľec*

< н.-в. **dhūbh-* «быть полым», см. *džbrь*.

Štrekelj (Afsiph, XXVIII 499) видит в этимологизируемом слове новообразование из сочетания **ze dboľu*; см. *stvolь*.

icha f: словенск. *iha* «буря», *ihati* «ворчать»

< н.-в. **eis-* «шуметь, кричать»; ср. литовск. *aišioti* «выть (о сове)».

izokъ m: ст.-церковнослав. *изокъ* «пикада, кузнечик, сверчок», русск.-церковнослав. и др.-русс. *изокъ*

< н.-в. **oiġ(h)-* «звучать, шуметь, трещать, стрекотать»; ср. литовск. *aižėti* «трескаться, лупиться», *aiženotis*, *aižėti* «лупить (горох), снимать кожуру», *eiženoti* «трескаться, лопаться», *eižti* «шелушить», *ižti* «лущиться, разрушаться», *ižūs* «рыхлый, рассыпчатый».

Matzenauer (LF, VIII 15) сближал этимологизируемое слово с литовск. *šokti* «прыгать» (Потебня, К истории звуков, IV 62) с греч. *αἶς* «коза», а Berneker (I 440; ср. также Преображенский, I 266) выводит его из *iz-oko-* «насекомое с выступающими глазами». — Неясно Miklosich, 97.

**jasny* m: русск. *ясненик* «растение *Asperula (odorata)*; ...

< н.-в. **oikm-* «нечто острое»; ср. прусск. *ausmis* «копье», литовск. *išmas* «вертел», латыш. *išms*, греч. *αἶμα* «острие копья». — Schmidt, Vokalismus, I 76, Meillet, Mémoires de la Société de linguistique de Paris, VIII 299, Walde, KZ, XXXIV 477, Trautmann 4 (все без русского слова).

kléviti vb: русск. диал. (арханг., холмог., шенкур., вят., великоуст., иркут., уржум., яросл.) *клевить* «побуждать к плачу»; — сильная ступень русск. диал. (вологод., арханг., холмог., шенкур.) *клевить* «побуждать к плачу»

< н.-в. **klei-и-* «шуметь, кричать», распространения корня **klei-* в *klikъ*, см. этимологию.

lava f: русск. *лава* «казачий строй в нападении полукругом в одну шеренгу»; польск. *ob-tawa* «порядок войска в походе; выгон зверя: тенета»; укр. *облава* «толпа, окружающая что-либо»; русск. *облава* «выгон зверя большим количеством людей», *облавищ* «загонщик»

< н.-в. **lou-* «рвать, хватать, охотаться». — См. *loviti*. Matzenauer (399, Miklosich, 218), неуверенно Преображенский (I 628) и Brückner (371) выводят *oblava* из ср.-в.-нем. *abelouf* (ново-в.-нем. *Abtauf*); русск. *лава* Преображенский (I 428) относит сюда неуверенно.

lotiti vb: словенск. *lotiti se* «приниматься, братья за что»; — удлиненная ступень сербо-хорв. *lātiti* «схватить», *se se* «приняться» (— *posla* «за дело»), «заступиться», словенск. *lātiti se*; словенск. *lātati se* «предпринимать, стараться», сербо-хорв. *lācati* «приниматься, хватать», словенск. *lācati se*

< н.-в. **lō-t-* «возжелеть, хотеть, хватать»; ср. др.-инд. *lāti* «хватает, схватывает» < *lō-*; ср. его параллельные расширения *lōd-*, *lōs-*, *lōg-*.

— Неточно Berneker (I 694), неясно Miklosich (174).

О. Н. Трубачев